

ПРОБЛЕМА ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМПОРТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ В РОССИИ КОНЦА XIX в.

В конце 1890-х гг. в правительственных структурах, а также в российском обществе развернулась дискуссия о возможности и перспективах обеспечения сбалансированного развития промышленности и аграрного сектора экономики¹. Это было вполне закономерно, поскольку аграрный кризис в российских условиях приобрел тяжелый, затяжной характер — «результат крайне непоследовательного и мучительного процесса приспособления земледелия к новой экономической конъюнктуре, медленного перехода аграрной экономики в целом на более высокую ступень капиталистического развития»². В условиях обострившейся на мировом рынке конкуренции возникла необходимость комплексной перестройки аграрного сектора, развития промышленной переработки продуктов земледелия, а также обеспечения деревни современной техникой. Составной частью этой дискуссии стали дебаты о судьбе сельскохозяйственного машиностроения. Полагаем, что эта полемика, не привлекая ранее должного внимания исследователей, представляет значительный интерес для понимания специфики модернизационных процессов в российской экономике на рубеже XIX–XX столетий. Ее значимость определяется, в частности, переплетением интересов различных групп влияния, а также тем, что в дискуссии по этому вопросу были высказаны принципиальные суждения о характере и перспективах экономического развития страны.

Позиция большинства сельских хозяев была обстоятельно изложена в письме Харьковского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, адресованном в Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗГИ). В документе, подписанном председателем этого общества Б. Филоновым, отмечалось, что, заслушав на своем заседании доклад известного экономиста И. Н. Миклашевского, члены общества на пленарном собрании пришли к выводу, что нет оснований ожидать существенного улучшения экономической конъюнктуры — устойчивого повышения цен на сельскохозяйственную продукцию, поскольку «в условиях производства хлеба и снабжения ими всемирного рынка» значимых изменений не происходит. В такой ситуации «удешевление капиталов земледельческого хозяйства есть залог его успеха», так как сложившиеся неблагоприятные условия требуют «развития в хозяйствах как владельческих, так и крестьянских улучшенных приемов обработки земли». Харьковские аграрии подчеркивали, что для крестьянского и мелкого частного землевладения, не прибегающего к помощи наемного труда, «чугун, железо, сталь, сельскохозяйственные орудия и машины суть капиталы земледельческого хозяйства более важные, чем денежные»; при этом указанные капиталы почти отсутствуют в этих хозяйствах, «благодаря их дороговизне, обуславливаемой, между прочими

причинами, высокими таможенными пошлинами». Авторы письма заявляли, что степень правительственного покровительства горнозаводской промышленности столь высока, что возникла она даже «во многих местах Империи, где нет природных условий, благоприятных для ее развития». Работает горнозаводская промышленность в основном ради удовлетворения потребностей железнодорожного хозяйства и иных отраслей тяжелой промышленности; интересам же сельского хозяйства она служит менее всего. В таких условиях вполне закономерно, по утверждению членов Харьковского общества сельского хозяйства, что «земледельческие орудия и машины производятся в России в очень ограниченном количестве и неудовлетворительного качества»; некоторые сельскохозяйственные машины не производятся в стране совсем, но при этом облагаются высокими таможенными пошлинами. Соответственно, сельские хозяева настаивали на снижении пошлин на чугун, железо, сталь и сельскохозяйственную технику, что, по их мнению, должно было не только удешевить эти машины, но и «устранить вредную спекуляцию и грюндерство», а также обеспечить более устойчивое развитие горнозаводской промышленности именно «в тех местностях Империи, где природные условия тому благоприятствуют», — иными словами, снижение пошлин призвано было оптимизировать размещение производительных сил на территории страны³.

Нельзя не отметить смешение сельскими хозяевами массы разнородных проблем, в некоторых случаях — явную необъективность и даже откровенные передергивания. Однако важно подчеркнуть и другое: они исходили из представления о единстве интересов *всех* аграриев. Характерно для них было также: осознание зависимости их положения от внешнеэкономической конъюнктуры; попытка комплексно осмыслить различные экономические проблемы; осознание необходимости кардинального улучшения методов хозяйствования; требование от государства не банальной финансовой поддержки, не бюджетных вливаний, а предложения об использовании более тонких механизмов экономической политики; весьма критическое отношение к отечественной индустрии; при этом основная вина возлагалась не непосредственно на производителей сельскохозяйственной техники, а на крупную, преимущественно горно-металлургическую, промышленность.

Изложенные аргументы весьма схожи с доводами многих крупных экономистов того времени. Один из них — И. Н. Миклашевский — как уже отмечалось, был приглашен непосредственно на заседание, в ходе которого выработывались предложения харьковских аграриев. Как видим, доводы представителей экономической науки не оставались лишь предметом дискуссий в узких рамках профессионального сообщества, а находили живой отклик в среде аграриев.

Инициатива рассмотрения вопроса о снижении таможенных пошлин на сельскохозяйственную технику была выдвинута и на состоявшемся в 1896 г. в Нижнем Новгороде Торгово-промышленном съезде, проходившем во время проведения Всероссийской выставки. Как отмечал в своем всеподданнейшем отчете за 1896 г. Государственный контролер Т. И. Филиппов, «Съезд высказал, что влияние таможенного тарифа на разные отрасли промышленности

неравномерно и выразил пожелание о понижении пошлины на машины и материалы, необходимые для сельского хозяйства». По словам Филиппова, впервые установленная в 1885 г. пошлина на ввоз сельскохозяйственных машин в размере 50 коп. золотом с пуда, была уже в 1887 г. повышена до 70 коп. золотом с пуда; именно такая ставка была зафиксирована и Таможенным тарифом 1891 г. Однако по оценке Государственного контролера, «покровительственные меры развитию отечественного производства сельскохозяйственных машин не ослабили ввоза их из-за границы»; более того, импорт сельскохозяйственной техники неуклонно и быстро нарастал — с 349 000 пудов в 1887 г. до 939 000 пудов в 1886 г. Низкий уровень развития отечественного сельскохозяйственного машиностроения, не способного удовлетворить, по словам Филиппова, растущие потребности аграрного сектора экономики в новой технике, побудил правительство и прежде всего Министерство финансов «дать движение выраженным на Торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде пожеланиям». Результатом стало создание в конце 1896 г. при Министерстве финансов особой комиссии по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины и орудия, которая, по словам Государственного контролера, «должна найти разрешение этому вопросу в интересах земледелия, без ущерба для отечественного производства сельскохозяйственных машин и орудий»⁴.

В своем письме министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову от 9 января 1897 г. С. Ю. Витте сообщил, что для подробного выяснения поднятого Всероссийским съездом сельских хозяев вопроса «относительно облегчения привоза из-за границы сельскохозяйственных машин и орудий» он признал необходимым образовать при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов под председательством директора этого Департамента В. И. Ковалевского Особое совещание. Обсуждению этого Совещания, по словам Витте, должен был подлежать вопрос о том, «какие именно сельскохозяйственные машины могли бы быть допущены к привозу с пониженной пошлиною, или и вовсе беспошлинно, во внимание к тому, что некоторые из них ныне в России вовсе не изготавливаются, причем и в будущем нельзя ожидать установления производства их у нас»⁵.

К работе Совещания был привлечен представитель МЗГИ С. Н. Ленин, откомандированный туда Ермоловым; кроме того, Витте и Ковалевский сочли необходимым привлечь к деятельности Совещания не только чиновников, но и представителей сельских хозяев, а также машиностроителей. В письме Витте Ермолову от 5 марта 1897 г. главе МЗГИ предлагалось обеспечить привлечение к работе Совещания «таких лиц, участие которых... представлялось бы наиболее полезным для выяснения сказанного вопроса»⁶. В свою очередь, Министерство финансов пригласило к участию представителей машиностроительной отрасли.

Необходимо отметить, что в ходе работы данного Совещания его участники нередко выходили за пределы того ограниченного круга вопросов, изначально поставленных главой Министерства финансов. Как заявил на заседании 24 октября 1897 г. В. И. Ковалевский, «со стороны как сельских хозяев, так и машиностроителей заявлены были пожелания относительно других мер для

поддержания и развития сельскохозяйственного машиностроения в России, а именно об открытии кредита на закупку сельскохозяйственных машин, об учреждении сельскохозяйственных школ, о мерах к удешевлению машиностроительных материалов и проч.). Такая активность участников Совещания вызвала достаточно жесткую реакцию Министра финансов, которая и была озвучена Ковалевским на упомянутом заседании. Витте предписал провести заключительный этап работы Совещания «при участии исключительно представителей правительственных ведомств» и рассмотреть только вопросы, касающиеся таможенного обложения сельскохозяйственных машин и орудий. Прочие же вопросы, по которым участники Совещания высказывали свои суждения, «отчасти уже составляют, отчасти составят в ближайшем будущем предмет особых, специальных суждений, при участии компетентных лиц», — заявил Витте⁷. На наш взгляд, жесткая позиция Витте была обусловлена не столько стремлением обеспечить поддержание надлежащего порядка, сколько нежеланием создавать прецедент обсуждения в правительственной структуре с участием представителей аграрных интересов широкого круга вопросов, находившихся в компетенции финансового ведомства. Впрочем, рекомендации относительно перечня сельскохозяйственной техники, которая в интересах развития отечественного сельского хозяйства могла быть допущена в страну беспошлинно или с понижением пошлин относительно действовавшего на тот момент таможенного тарифа, сформулированные как сельскими хозяевами, так и машиностроителями (достигшими соглашения между собой не по всем вопросам), были учтены Совещанием при принятии итоговых решений.

Для Особого совещания под руководством Ковалевского был подготовлен обзор позиции земств по вопросу о мерах к распространению в стране сельскохозяйственных машин и орудий. Указывая на необходимость распространения в России по возможности передовой сельскохозяйственной техники, для чего, в свою очередь, необходимо было добиться ее удешевления, большинство земств включали в число необходимых мер «уменьшение или же совершенную отмену таможенных пошлин на сельскохозяйственные машины и орудия». Вполне типичной оказалась позиция Самарского губернского земства, которое, замечая, что «заботы земств по распространению улучшенных земледельческих орудий и семян хлебных растений не требуют материальной поддержки со стороны Министерства земледелия», указывало в то же время, что «дальнейшее развитие этого дела обусловлено устранением препятствий, тормозящих деятельность земств в этом направлении»⁸.

Совещание пришло к выводу о необходимости отмены импортных пошлин на многие образцы сложной сельскохозяйственной техники; эти решения в скором времени воплотились во внесенных в Таможенный тариф изменениях. Так, решено было обнулить пошлину на изделия, не производившиеся в России: сноповязалки, паровые плуги, «пульверизаторы для опрыскивания плодовых деревьев и кустов», сложные паровые молотилки и др. На некоторые машины пошлина была существенно снижена: например, на «локомобили, привозимые при паровых плугах и сложных молотилках», с 1 руб. 20 коп. до 50 коп. с пуда. При этом Совещание обратило особое внимание на то, что

русские заводы, способные выпускать локомотивы, «заняты исключительно изготовлением паровозов для железных дорог, причем оказываются не в состоянии удовлетворять существующему весьма значительному спросу»; однако впоследствии, «когда производство паровозов достигнет желаемой правительством нормы», отечественные машиностроители, несомненно, перейдут и к изготовлению локомотивов, — тогда к вопросу о покровительственной пошлине можно будет вернуться. При этом некоторые пожелания аграриев остались не удовлетворенными. Прежде всего, Собрание отказалось снизить покровительственную пошлину на керосиновые двигатели. В решении Собрания было отмечено, что эти двигатели производятся в России уже на 10 заводах, «хотя и в незначительном количестве, и потому нуждались бы в покровительстве, с целью увеличения выгодности производства»⁹.

По итогам работы Собрания и продолжавшихся еще несколько месяцев согласований министр финансов 27 марта 1898 г. внес представление в Государственный совет «Об изменении условий привоза из-за границы некоторых сельскохозяйственных машин и орудий, землеудобрительных веществ и потребных для сельского хозяйства химических продуктов и препаратов». Государственный совет, мнение которого было высочайше утверждено 25 мая 1898 г., одобрил предложение Витте, снизив или отменив пошлины на указанные выше товары на 5 лет¹⁰. Таким образом, было принято в известной степени компромиссное решение, которое, с точки зрения руководителей Министерства финансов и МЗГИ, учитывало как интересы аграриев, так и потребности машиностроителей. В то же время необходимо отметить, что после принятия этих решений производство сложной сельскохозяйственной техники в России развивалось недостаточно высокими темпами.

Примечания

¹ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997; Беспалов С. В. Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX — начала XX в. Самара, 2004.

² Китанина Т. М. «Высочайше учрежденная в 1888 г. Комиссия по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883–1887 гг.)» — важный источник по аграрной истории России последней трети XIX века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симп. по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 238.

³ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 407. Л. 59–60.

⁴ Там же. Л. 149–149 об.

⁵ Там же. Л. 55–55 об.

⁶ Там же. Л. 56, 63–63 об.

⁷ Там же. Л. 150–150 об.

⁸ Там же. Л. 49, 51–51 об.

⁹ Там же. Л. 151–155 об.

¹⁰ Там же. Л. 169, 180.